

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, гл.н.с., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МЕТОДОЛОГИИ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ВСЕ ЛИ МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ ОДНО И ТО ЖЕ?

Аннотация. С начала становления новой институциональной экономической теории (НИЭТ) многие исследователи говорят о том, что её методология слабо или недостаточно развита. Цель данной статьи — ответить на вопрос, о какой методологии идет речь? Анализ литературы показывает, что обычно имеется в виду философская методология, т.е. анализ научной дисциплины под углом зрения того или иного варианта философии науки. Он показывает также, что у исследователей, работающих в рамках НИЭТ, практически отсутствует интерес к её изучению и оценке с точки зрения философии науки. Вместе с тем исследовательская методология, т.е. представление о совокупности предпосылок и методов научного изучения институтов, получила в НИЭТ достаточно широкое развитие. Соответствующие представления хотя и несколько отличаются друг от друга в своих описаниях, однако весьма близки по содержанию. Это позволило на основе их анализа сформулировать основные принципы исследовательской методологии НИЭТ и выявить её основную проблему: неразработанность трансформации качественных квазимodelей в строгие математические модели, которые могут быть использованы для эмпирической проверки высказываемых гипотез.

Ключевые слова: новая институциональная экономическая теория, философская методология, исследовательская методология.

JEL: B41, B52, C00.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_3_52_74.

Экономическая методология и экономическая теория

Характеризуя современное состояние новой институциональной экономической теории (НИЭТ), многие исследователи, одновременно с признанием успешного развития этого исследовательского направления и расширения применения его положений в новых областях экономического анализа, указывают также на *недостаточную разработанность вопросов его методологии* [Langlois, 1989; Menard, 2001; Richter, 2005; Расков, 2010; Ménard, Shirley, 2014a]. Такое сочетание оценок, как представляется, содержит в себе определенное противоречие: может ли успешно развиваться некоторое научное направление или теория, если у них нет ясной методологии исследования? Ответ на этот вопрос зависит от того, что в нем понимается под словом «методология».

Примерно до середины 1980-х гг. в мировой экономической науке (и соответствующей литературе) под методологией и, соответственно, методологическим анализом понималось одно: применение к предметным экономическим исследованиям того или иного варианта философии науки¹. Такая экономическая методология самоопределялась

¹ В 1930–1950-е гг. таким вариантом был логический позитивизм и его различные направления, в настоящее время преобладают те или иные альтернативные подходы.

как часть экономической науки, стремившаяся с философских позиций содействовать её развитию. Как писал Д. Хаусман, «литература по экономической методологии обычно имеет дело с вопросами о том, подтверждается или не подтверждается теория, или о том, какую из эмпирических теорий следует выбрать. Основной вопрос звучит обычно так: “Как можно сказать, является ли эта часть экономической теории хорошей наукой?”» [Hausman, 1989. P. 115]. Схожие утверждения были высказаны и М. Блаугом: «...методология — это не просто причудливое название для “методов исследования”, это изучение отношений между теоретическими понятиями и обоснованными выводами о реальном мире; в частности, методология — это такая отрасль экономической теории, в которой мы изучаем пути, которыми экономисты оправдывают свои теории, и основания, которые они предлагают для предпочтения одних теорий другим» [Blaug, 1992. P. xxi].

Несмотря на такую явно положительную для экономической теории направленность, особенностью этого методологического анализа стал тот факт, что и его проведение, и его результаты крайне редко вызывали какой-либо интерес у предметных экономистов, т.е. тех, кто занимается прежде всего экономическими, а не экономико-методологическими исследованиями. Так, среди методологических работ не методологов широкую известность до последнего времени имела только одна — статья М. Фридмана [Friedman, 1953]. Лишь недавно вышла книга, посвященная экономической методологии и написанная предметным экономистом [Rodrik, 2015]. Безусловно, этой тематики касались и другие известные экономисты. Например, в антологию, собранную Д. Хаусманом, включены статьи Г. Саймона, Й. Шумпетера, Н. Калдора, А. Сена, В. Смита, К. Камерера, Дж. Бьюкенена и В. Ванберга, не говоря уже о работах классиков, таких как Дж.С. Милль, М. Вебер, К. Маркс и Т. Веблен [Hausman, 2008].

Однако для подавляющего большинства экономистов обращение внимания на результаты усилий методологов по улучшению экономической теории оставались и остаются малопривлекательными. Недаром статья Б. Фрея называлась «Почему экономисты не обращают внимания на экономическую методологию» [Frey, 2001]. С его точки зрения, причиной является нормативная ориентация экономической методологии: её представители, основываясь на тех или иных философских позициях, приходят к выводам, как *надо* изучать экономику. Однако предметные экономисты, сталкиваясь с трудностями решения своих задач, находят совсем другие способы. «Разрыв столь велик, что экономисты даже не берут на себя труд отвергнуть назидания, предлагаемые философами науки. Они просто игнорируют их» [Op. cit. P. 41]. Другими словами, причина, по мнению Фрея, лежит в первую очередь в области простой человеческой *психологии*: нежелании специалистов выслушивать поучения неспециалистов.

Он указывает, однако, и на другой фактор, который можно назвать институциональным. В упомянутой статье Фрей разбирает тот редкий случай, когда методологи обратились к анализу феномена, действительно способного повлиять (и реально влияющего) на результаты, получаемые экономическими исследованиями, — на отсутствие связи между статистической и содержательной значимостью влияния одного фактора на другой. Он связывает пренебрежение предметных экономистов к текстам методологов с тем, что на первых влияет институциональная среда, в которой функционирует экономическая наука. Эта среда такова, что профессиональный рост связан с наличием публикаций в престижных журналах, а рецензенты последних обращают внимание на математическую строгость, а не на экономическое содержание. В данном случае с методологами можно согласиться, однако на то, например, что корреляция — это не причинная связь (*correlation is not causation*, или *correlation does not imply causation*) указывали не только методологи, но и статистики, т.е. специалисты по строгим формальным методам, притом куда раньше, чем методологи: «То, что корреляция не является причинной связью, — это, наверное, первое, что мы должны сказать» [Bernard, 1982. P. 387].

Л. Боулэнд указывает на еще одну причину пренебрежения: слабое знание методологами современного состояния экономической теории: «...философы экономики редко знают об экономической теории больше, чем на уровне вводного курса для начинающих (beyond the level of Economics 101)» [Boland, 2016. P. 18]

Экономическая причина невнимания предметных экономистов к работе методологов логически следует из интерпретация Г. Франком науки как особого рынка [Franck, 2002]. Его субъекты — производители знаний (продавцы) и их потребители (покупатели) — это учёные, которые производят и публикуют знания, максимизируя свою полезность. Её единицей измерения, по мнению Франка, выступает *внимание*, т. е. время, которое тратится на чтение одних работ, но не тратится на другие. Пренебрежение теми работами, которые бесполезны для решения своих задач, — это рациональное использование ограниченного ресурса, т.е. внимания. В этой связи нельзя не согласиться с Г. Саймоном, который писал: «Я считаю методологическое изыскание заинтересовывающим и информативным (instructive) до той степени, до которой оно ориентирует себя на конкретные проблемы эмпирической науки» [Archibald, Simon, Samuelson, 1963. P. 229].

Какое из объяснений игнорирования экономистами работ методологов соответствует действительности, — это, конечно, вопрос эмпирического исследования. Пока же можно лишь констатировать, что «экономисты не следуют тем законам исследования, которые устанавливают их методологии» [McCloskey, 1983. P. 482]², или, как сделал вывод совсем недавно Дж. Вромен, «даже если бы кто-то, заинтересованный в нашей области [экономической методологии, — В.Т.], развил бы взаимовыгодный обмен между экономической теорией и философией, экономисты никогда не обратили бы внимания на эту работу» [Vromen, 2021. P. 2]. Но если экономисты следуют законам исследования, установленным «не методологически», то как же они организуют свою работу? Есть ли у них вообще какая-то методология?

Разные понимания методологии

Вероятно, наиболее известным разграничением «двух методологий»³ явилось введение в [McCloskey, 1983] понятий «методологии с маленькой буквы» ('small-m' methodology), обсуждающей вопросы, могущие вызвать интерес у практикующих экономистов, и «методологии с большой буквы» ('big-M' methodology), касающейся вопросов, интересных философам, развитых более детально в [McCloskey, 1985. Pp. 159–162]. Примерно в то же время Д. Хаусман писал об «озадачивающем разделении (puzzling divorce), которое существует между пишущими об экономической методологии и работами философов науки» [Hausman, 1984. P. 231].

Несколько позже Л. Боулэнд противопоставляет методологию и прикладную методологию, подчеркивая важность для экономистов второй и незначимость первой: «Несмотря на то, что говорит некоторое число методологов с благими намерениями..., есть очень мало того, в чем обычный философ мог бы помочь типичному экономисту — создателю моделей. Какие бы глубокие идеи о природе и целях человеческой мысли не высказывали Платон, Декарт или Джон Стюарт Милль, эти идеи вряд ли помогут практикующему экономисту, пытающемуся измерить уровень безработицы в лесной промышленности или определить, совместима ли максимизация индивидуальной полезности с рыночной детерминацией цен» [Boland, 1989. P. 11]. С его точки зрения, прикладная методология — это самостоятельная исследовательская программа, которая «направлена на выработку ряда общих понятий, которые давали бы некоторые шаблонные методологические решения практикующим

² Правда, к приведенному суждению она добавляет: «Тоже хорошее дело (A good thing, too)» (Ibid.).

³ По аналогии с «двумя культурами» Ч. Сноу.

экономистам» [Op. cit. P. 13]. Одним из основных среди этих понятий должно выступать понятие *проверяемости* (testability) моделей и других утверждений экономической теории, являющееся приложением концепции фальсифицируемости К. Поппера как критерия научности к экономической теории [Op. cit. P. 14]).

Д. Хаусман в том же году писал: «Литература по экономической методологии посвящена в основном вопросам о подтверждении теории или отказе от неё, или выбору варианта эмпирической теории. Центральный вопрос звучит обычно так: “На каком основании можно говорить, является ли данная часть экономической теории хорошей наукой?” Экономисты хотят, чтобы методологи разработали алгоритм создания хорошей экономической науки, и они хотят, чтобы этот алгоритм оправдал их собственную практику и вскрыл безрассудность (foolishness) тех, кто занимается экономической наукой иначе» [Hausman, 1989. P. 115].

Однако уже в наше время Л. Боулэнд был вынужден констатировать: «...область экономической методологии с маленькой буквы была позднее захвачена (hijacked) якобы философами экономической теории до такой степени, что конференции, которые в прошлом рассматривали вопросы методологии с маленькой буквы, сегодня посвящены темам, интересным только философам, в особенности аналитическим философам, отвергающим взгляд Карла Поппера на экономическую методологию» [Boland, 2016. P. 17].

Как представляется, такой переход обусловлен тем, что экономическая методология в середине 1980-х гг. стала *самостоятельной наукой*, имеющей собственный объект, предмет и метод исследований [Dürpe, 2011], вследствие чего её результаты в целом практически не оказывают влияния на развитие экономической науки. Тем самым обе экономические методологии как с большой, так и с маленькой буквы фактически стали представлять собой различные направления одной *философской методологии* (ФМ).

Фактически различные направления ФМ представляют собой построение *рациональных* (иногда — не вполне рациональных) *реконструкций видения* их последователями под углом зрения той или иной философии того, как практикующие (или предметные) экономисты исследуют изучаемые ими экономики, а также сопоставление и оценку этих реконструкций с теми философскими воззрениями, которые разделяет или считает правильными (достойными, перспективными и т.п.) автор проведенной реконструкции. Такого рода исследования безусловно полезны для (будущих) биографов ученых, чьи представления об экономике реконструированы, и для историков развития экономических учений. Однако они вряд ли могут оказаться полезными для других экономистов, у которых не может не быть собственных (интуитивных или сознательно сформированных) представлений об объектах и предметах их анализа. Ведь, во-первых, описания реконструкций даются в терминах философии, а не экономической науки, а во-вторых, собственные видения экономики, как того, кто изучен в рамках ФМ, так и тех, кто стали читателями этих работ, формируются во многом неосознанно, всем опытом жизни и исследовательской работы этих ученых. Безусловно, *можно* сознательно поменять свои представления об экономике, если проведенные предметные исследования ясно говорят, что картина, сложившаяся до начала исследования, оказалась неверна, однако её изменение на основе знания того, что кто-то думает иначе, для ученого маловероятно: нужны *доказательные* факты, т.е. результаты *предметных*, а не философских или философско-методологических исследований.

Между тем у ряда экономистов продолжает действовать (проходящее у большинства в студенчестве) убеждение в том, что философско-методологическое знание дает возможности для развития и повышения качества предметных исследований. Только наличием таких (возможно имплицитных) убеждений можно объяснить повышенный интерес сторонников гетеродоксальных экономических теорий не к производству новых научных знаний об экономике и идущих в ней процессах — тех знаний, которые не могли бы быть получены в рамках других экономических теорий, — а к нескончаемому обсуждению несо-

ответствий философских методологий гетеродоксальных и ортодоксальных теорий, нацеленному на доказательство того, что первые *методологически* «лучше», чем вторые.

Как представляется, такие обсуждения и сопоставления, если и интересны для критиков, то у критикуемых какого-либо внимания не вызывают, и причины этого вполне понятны: ведь критика фактически относится к тому, как критикуемые *видят* (представляют себе) экономику. Понятно, что смотреть на неё можно по-разному, но для критиков «правильно» то видение и понимание, которые соответствуют некоторой философии (или философской методологии), а для критикуемых — то, которое позволяет получать новое *научное*, т.е. проверяемое практикой, знание о свойствах и закономерностях, наблюдаемых в экономике, дающее возможность более или менее успешно предсказывать возможные изменения до того, как они произошли, а не только объяснять их после того, как они случились.

В этой связи полезно привести совет, который дала группа методологов сторонникам гетеродоксальных экономических теорий: «меньше беспокоиться о методологии, отдавать приоритет тому, чтобы, во-первых, быть экономистами, и во-вторых, — гетеродоксальными экономистами, и готовить идеи для того, чтобы покинуть инкубатор гетеродоксии и вступить в экономические дебаты мейнстрима» [Colander, Holt, Rosser, 2007. P. 303]. Иными словами, «было бы наивным ожидать методологических и методических инноваций *от результатов методологических разработок*. Гораздо продуктивнее обращение к содержательным новым результатам, получаемым их коллегами, *воспользовавшимися* нетривиальными новыми методами анализа объекта соответствующей науки или *создавшими* такие методы» [Тамбовцев, 2013. С. 44]. Действительно, как изменятся исследовательские действия «нового институционалиста», если он узнает вдруг, что НИЭТ, по мнению некоторых методологов, по своей структуре отличается от «стандартной» теоретической модели исследовательской программы, предложенной И. Лакатосом? Ответ достаточно очевиден: никак. Как они изменятся, если он узнает, что предложен и обоснован новый метод измерения качества институтов? В этом случае изменения, безусловно, вполне возможны, если он увидит, что новый способ измерения дает более надежные для интерпретации результаты, либо требует меньших издержек измерения, либо позволяет решить задачи, которые ранее было затруднительно (если вообще возможно) решить, и т.п.

Критика методологии НИЭТ

Тем не менее методологическая критика НИЭТ, начавшаяся практически со времени появления этого направления экономических исследований, продолжается без принципиальных изменений и в наши дни. Вероятно, первой работой, посвященной анализу методологии НИЭТ под углом зрения ФМ, была статья А. Филда [Field, 1979]. В ней он пишет о том, что это направление, называемое им «неоклассической институциональной экономической теорией», трактует институты «эндогенно», сводя их к вкусам, технологиям и способностям, которые считаются в неоклассике заданными, но не к другим институтам. Иными словами, объектом критики в ней был методологический индивидуализм, «официально» отвергаемый оригинальной институциональной экономической теорией и остающийся до настоящего времени объектом массовой критики НИЭТ со стороны представителей оригинального экономического институционализма (см. анализ в [Тамбовцев, 2020a]).

Однако такая «сконцентрированность» критики пришла не сразу. Так, У. Даггер, анализируя экономическую теорию трансакционных издержек О. Уильямсона, в качестве её методологических недостатков указывал на такие черты, как отсутствие динамической (эволюционной) трактовки феномена и игнорирование социального контекста [Dugger, 1983]. Широкий методологический анализ был дан Р. Ланглуа [Langlois, 1986; Langlois, 1989], который общей чертой НИЭТ как фундаментально неоклассического направления считал

следование «метафоре максимизации» как организационному принципу самых разных социально-экономических феноменов. Вместе с тем им отмечены и существенные различия между НИЭТ и неоклассикой, такие как близость первой к субъективизму австрийской школы и к неошумпетерианской экономической теории. Тем не менее, «что “неправильно” в НИЭТ, с моей точки зрения, так это дурная привычка заимствовать из неоклассической экономической теории... у НИЭТ вообще мало методологического багажа, а тот, что есть, является в основе своей неоклассическим» [Langlois, 1989. P. 291]. Преодоление этого «недостатка» Ланглуа видит в принятии последователями НИЭТ разработанного им образца, или стандарта (benchmark), исследования институтов. Последний включает два принципа: институциональный (т.е. отличный от психологического) индивидуализм и объяснение на основе «невидимой руки» (А. Смит), или «органическое» объяснение (К. Менгер). Такой переход, по его мнению, позволит НИЭТ уйти от «предположения максимизации», объясняющего существование институтов тем, что они эффективно выполняют некоторые социальные функции.

«Эффективное» объяснение действительно имело место на начальной стадии формирования НИЭТ, но уже к концу 1980-х гг. — то ли по причине несоответствия действительности, т.е. существования достаточно устойчивых неэффективных институтов, то ли из-за упомянутой критики — оно перестало упоминаться в литературе. Д. Норт, как известно, в своей книге [North, 1990. P. 7] писал уже об эффекте блокировки (lock-in effect) как достаточно массовом явлении.

Вместе с тем индивидуализм и рациональность индивидов характеризуются как методологический недостаток НИЭТ в [Hodgson, 1989; Rutherford, 1989; Mayhew, 1989]. «Обвинение» в рациональности может показаться здесь странным и необоснованным, поскольку в НИЭТ всегда подчеркивалась *ограниченная* рациональность субъектов, введенная и проанализированная Г. Саймоном [Simon, 1955; Simon, 1959]. Но с точки зрения упомянутых критиков, подчеркивание ограниченной рациональности — это всего лишь *уточнение* и некоторое *изменение* методологии неоклассики, в то время как «настоящий институционализм» должен *полностью отказаться* от всех её предпосылок.

Очерченная логика критики НИЭТ продолжает находить своих последователей. Например, в [Spithoven, 2019. P. 446] утверждается, что сторонники НИЭТ «игнорируют культурное влияние, применяя теорию игр или используя кросс-страновой регрессионный анализ». На каких основаниях делаются эти выводы (особенно второй), остается полной загадкой, поскольку число работ, посвященных эмпирической оценке влияния культуры на экономический рост, в том числе авторов, опирающихся на НИЭТ (см., например [Guiso, Sapienza, Zingales, 2006]), весьма велико.

Причины игнорирования подобной критики последователями НИЭТ достаточно очевидны. Они имеют тот же характер, что игнорирование этой критики всеми экономистами, проанализированное в предыдущих разделах статьи: её учёт мало что может дать исследователям, решающим свои теоретические или прикладные задачи. Критика такого рода интересна тем, кто решает задачи философской методологии, являющейся самостоятельной научной дисциплиной и слабо связанной с задачами экономической теории.

Методология НИЭТ: взгляд изнутри

В связи с отмеченными особенностями трактовки экономической методологии самими методологами, особый интерес представляет понимание методологии НИЭТ её создателями и последователями.

Рональд Коуз. Отличительные черты подхода Р. Коуза к анализу экономики не раз отмечал и он сам, и его последователи и исследователи его творчества: он «работал, чтобы

изменить образ действий в экономической теории, убеждая экономистов обосновывать свои выводы тщательным изучением эмпирической реальности, а не теориями, которые работают только на классной доске» [Shirley, Wang, Ménard, 2015. P. 227]. Это выразалось прежде всего в его понимании того, чем является экономическая теория. Если преобладающим в мейнстриме является её трактовка Л. Роббинсом как науки, которая изучает человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативы использования, то для Коуза экономическая теория — это «изучение работы экономической системы, в которой мы можем зарабатывать и тратить свои доходы» [Coase, 1998. P. 73]⁴. Такое изучение, т.е. анализ практик взаимодействия многообразных участников (или элементов) экономической системы, не может не иметь в первую очередь эмпирического характера, иначе оно сведётся к моделям, существующим только на «классной доске». Ведь «люди фактически не являются рациональными максимизаторами»⁵, цены фактически не равны предельным издержкам, рынки никогда не находятся в равновесии. Формальные модели экономической теории являются только аппроксимациями. Коузу неинтересны аппроксимации. Ему интересна наблюдаемая реальность. Для него значимость «невидимой руки» А. Смита состоит в том, что она направляет наше внимание на видимые феномены, а именно — на экономические практики и институты, которые можно наблюдать, описывать и сравнивать» [Posner, 1993. P. 206].

Следует ли из эмпирической ориентации Коуза, что его подход к исследованию экономики имеет антитеоретический характер? Именно об этом говорит Р. Познер в цитированной выше статье. Однако Коуз выражает «враждебность к теории» (hostile to theory) лишь определённого типа — теории, которая не проверяется реальными практиками и остается теорией «классной доски». Теории же, которые отражают наблюдаемые факты, обобщают их и объясняют, создавая основы для предсказания, просто необходимы для того, чтобы изучение экономики было научной теорией. Недаром Р. Коуз, говоря о «старом» институционализме, характеризует его так: «...американские институционалисты были не теоретиками, но антитеоретиками, в особенности там, где концентрировалась классическая экономическая теория. Без теории у них не было ничего, кроме массы описательных материалов, ожидавших либо теории, либо забвения (waiting for a theory, or a fire)» [Coase, 1984. P. 230].

Исследователями предпринято несколько попыток реконструировать логику того подхода к исследованию экономики, которому следовал Коуз. Так, согласно одной точке зрения, «в терминах метода Коуз принадлежит к британской традиции конца девятнадцатого — начала двадцатого века», и близок, прежде всего, к подходу А. Маршалла» [Zerbe, Medema, 1998. P. 209]. В работе [Hsiung, 2004] её основой выступает методология сравнения с образцом (benchmark approach), где роль образца играет теоретическая модель, построенная исходя из наблюдений за практиками поведения в той или иной области экономики. С этим образцом — точнее логическими выводами из него — далее сравниваются новые практики поведения, выходящие за пределы «обучающей выборки». Нетрудно убедиться, что такая методология — это широко распространенная логика обучения на опыте, присущая всем людям (и другим живым существам), о чем ранее писали и авторы данной реконструкции [Hsiung, Gunning, 2002. P. 230]. Анализ, проведенный в [Nassiri, 2010], привел автора к перечислению семи ключевых элементов методологии Коуза, которые, несмотря на различия в формулировках, сводятся к построению моделей-образцов на основе изучения

⁴ В более ранней статье он характеризует экономическую систему как совокупность институтов, соединяющих фирмы и различные рынки, через которые происходят их взаимодействия с потребителями и друг с другом [Coase, 1978. Pp. 206-207].

⁵ Критика принципа или предпосылки максимизации в процессах принятия решений является общим местом методологической критики мейнстрима, однако анализ её корректности выходит за рамки этой статьи.

опыта, сравнению с ними новых ситуаций и видов поведения и построению обобщающей теории, характеризующей схожие формы поведения. По мнению, высказанному в [Albrecht, Kogelmann, 2020], Коуз делает логические выводы, используя модели как антиподы: например, его выводы о роли трансакционных издержек в реальном мире базируются на анализе модели, в которой они отсутствуют. В принципе такая трактовка близка к [Hsiung, 2004], подчеркивая лишь противоположность образца изучаемой реальности.

Как легко видеть, упомянутые реконструкции *не характеризуют* подход Р. Коуза к исследованию экономики с точки зрения *философской методологии*, хотя такой анализ тоже имел место (см., например [Maki, 1998; Bertrand, 2016]).

Дуглас Норт. В отличие от Р. Коуза, написавшего ряд методологических статей об изучении экономики, перу Д. Норты принадлежат исследования по методологии новой экономической истории (см., например [North, 1977]), в то время как его понимание подходов к изучению экономики выражено во многих «предметных» публикациях и, что немаловажно, претерпело ощутимые изменения в ходе развития его исследований. Именно последнее свойство методологии Норты породило множество желающих доказать, что его исследования соединяют мейнстрим и оригинальный институционализм, и что её эволюция влекла Норту к последнему.

Так, П. Вандерберг писал: «Разграничение новой и старой институциональных экономических теорий может оказаться непродуктивным при описании тех теоретиков, которые не поддаются четкой категоризации. Один из таких авторов — Дуглас Норт, который ассоциируется с новым институционализмом, но отклоняется от неоклассических принципов, образующих основания этой школы» [Vandenberg, 2002. P. 217]. На самом деле, как было отмечено выше, НИЭТ *в принципе* отклоняется от «неоклассических принципов», как минимум, в части признания роли институтов, так и в признании полной рациональности экономических агентов.

По мнению Ч.-П. Ченга, критический реализм — это «эффективный способ интеграции научных методов Коммонса и Норты» [Cheng, 2005. P. 297]. Степень обоснованности этого утверждения демонстрирует, например, утверждение Ченга, что он вместе с рядом других методологов нашел ряд общностей в методологиях Дж. Коммонса и Д. Норты: «Научный метод Коммонса имеет холистические характеристики, в то время как научная теория Норты включает коллективные атрибуты в его поздний период, хотя она частично опиралась на неоклассику на ранней стадии... Очевидно, ортодоксальный позитивизм, основанный на методологическом индивидуализме, не только не даёт оснований для коммуникаций между ними, но прямо противоречит общим коллективным элементам в обоих институционализмах» [Op. cit. P. 298]. Но если Норт пишет о группах и коллективах, значит ли это, что он следует методологическому холизму? Упомянуть группы и считать, что они действуют независимо от составляющих их индивидов, — далеко не одно и то же...

Характер приведенных (и многих других) попыток «интегрировать» подход Д. Норты со «старым» институционализмом убедительно оценен в [Luz, Fernandez, 2018. P. 589–590]: «Любопытно, что большинство авторов работ, строящих мосты между поздними работами Норты и оригинальной институциональной экономической теорией, используют общие аналитические подходы. Они начинают с представления идей Норты и затем ищут связи с авторами ОИЭТ. Такая стратегия приводит к признанию подобных связей, но стирает различия».

Наряду с такими попытками «интеграции», иногда сторонники оригинального институционализма подчёркивают, что Норт относился к нему негативно. Так, У. Даггер, отметив, что Д. Норт, как и О. Уильямсон, отказался от неоклассической трактовки рациональности и подчеркивает важность минимизации трансакционных издержек, привлекает внимание к тому, что в отличие от Уильямсона, признавшего первенство Дж. Коммонса в изучении трансакций, «Норт игнорирует литературу оригинального институционализма;

он самостоятельно (пере)открыл, что институты и исторические процессы имеют значение в экономической теории» [Dugger, 1995. P. 453].

Как представляется, наиболее ясно и последовательно эволюция методологии исследований Д. Норта реконструирована в [Brownlow, 2010], где охвачены обе его предметные области, — новая экономическая история и новая институциональная экономическая теория. В первой из них Норт полностью следовал методологии мейнстрима, однако полученные выводы показали ему неполноту получаемых объяснений, что переместило его в сферу изучения институтов и их влияния на изменения в экономике. Важно подчеркнуть, что этот переход отнюдь не означал полного отказа от неоклассического подхода: «Мы должны больше учиться у них (Веблена, Эйреса и Маркса, — В.Т.), но не путем отбрасывания неоклассической теории. Неоклассическая теория сделала экономику ведущей (preeminent) социальной наукой, обеспечив её упорядоченными, логическими и аналитическими основаниями. Отбросить неоклассическую теорию — значит отбросить экономику как науку» [North, 1978. P. 974]. Однако, решая задачи объяснения эволюции экономических систем, Норт учился не только у «старых» институционалистов. Начиная с конца 1960-х гг., одним из основных инструментов его анализа стали понятия трансакционных издержек и институциональных изменений [North, 1968; Davis. North, 1970].

Данная динамика прикладной методологии Д. Норта отразилась и на его работах в «исходной» области новой экономической истории. Об этом ясно говорит последовательная корректировка содержания его учебника «Рост и благосостояние в прошлом Америки» [North, 1966; North 1974; North 1983], выдержавшего три издания (табл.).

Таблица

Частота использования понятий в изданиях учебника Д. Норта «Рост и благосостояние в прошлом Америки»

Понятие \ Частота использования понятия	1966 г.	1974 г.	1983 г.
Стимулы	0	0	22
Институты / Институциональная среда	0	5	16
Права собственности	0	19	45
Трансакционные издержки / информационные издержки / издержки инфорсmenta / издержки измерения	0	4	6
Технологии / Технологический прогресс	9	16	27
Инновации	6	8	10

Источник: Brownlow G. A. (2010). Structure and change: Douglass North's economics // Journal of Economic Methodology. Vol. 17. Is. 3. P. 309.

Начиная с 1980-х гг., работы Норта «были сконцентрированы преимущественно на теоретизировании отношений между институтами и экономическим развитием, нежели на прикладных моделях исторических событий (North 2005)» [Brownlow, 2010. P. 308]. Сформировав основы для анализа роли государства в экономике [North, 1979], противопоставив свой подход позициям общественного выбора (public choice) в статье [North, 1987] и перейдя к анализу соотношений между ренто-ориентированным поведением и экономическим развитием, он вместе с коллегами пришел к концепции разделения государств с ограниченным и открытым доступом [North, Wallis, Webb, Weingast, 2007], лёгшей в основы ставшей предметом широкого обсуждения монографии [North, Wallis, Weingast, 2009].

Эта концепция, как представляется, явилась крупнейшим достижением в области анализа и понимания экономического развития за последнее столетие. Отличительной

чертой методологии её создания стала опора не только на аналитический подход мейн-стрима и понятие трансакционных издержек Р. Коуза, но и на широкий круг исследований когнитивных наук, где за последние десятилетия эмпирически были получены значимые результаты, расширившие понимание процессов принятия решений. Тем самым *междисциплинарность* может быть отмечена как важная черта прикладной методологии Д. Норта.

Оливер Уильямсон. Объектом исследований О. Уильямсона являлись, как известно, фирмы и их взаимодействия на тех или иных рынках, а также со стейкхолдерами, включая государство. Эти взаимодействия, начиная с исследований Дж. Коммонса, трактуются как различные трансакции, формой которых часто выступают контракты, являющиеся разновидностью институтов. Исследование такого объекта с экономической точки зрения наиболее продуктивно с использованием понятия трансакционных издержек, в силу чего неудивительно, что именно экономическая теория трансакционных издержек (*transaction cost economics*), сформулированная и развитая О. Уильямсоном, стала фактически другим названием НИЭТ.

Используемую методологию Уильямсон охарактеризовал как *прагматическую*, посвятив её описанию и анализу специальную статью. Ссылаясь на Р. Солоу [Solow, 2001], он формулирует её основополагающие предписания как «упрощать; сделать правильно; достигать оправданности» (*keep it simple; get it right; make it plausible*) [Williamson, 2009. P. 145]. К этим трём предписаниям он добавляет четвёртое: «извлекать опровергаемые выводы, к которым приложимы релевантные (часто микроаналитические) данные» [Williamson, P. 146]. Легко видно, что в совокупности эти предписания (или принципы) определяют формирование научной (проверяемой реальностью) теории как динамический процесс: созданная на основе упрощающих моделей теоретическая конструкция, обоснованно отражающая гипотетически важные стороны реальности, вполне может быть изменена и уточнена, исходя из получения релевантных данных. «Успешные уточнения и переформулирования теории не длятся, однако, неопределённо долго. Раньше или позже придет время расчётов, которые должна будет выдержать и принять во внимание любая потенциальная теория, — я имею в виду, что любая теория-кандидат должна быть сопоставлена с четырьмя предписаниями прагматической методологии, особенно с последним» [Ibid.]. Оставшаяся часть статьи посвящена характеристикам того, как приведенные предписания работают в различных сферах и направлениях НИЭТ.

Нетрудно убедиться, что прагматическая методология НИЭТ, охарактеризованная О. Уильямсоном, — это отнюдь не философская, а прикладная методология, подчёркивающая значимость проверки теоретически предположений опытом, практикой экономических действий на рынках и/или внутри организаций. В этом аспекте она полностью совпадает с пониманием методологии Р. Коузом и Д. Нортом, которое они и реализовывали в своих исследованиях и отражали в публикациях.

Элино́р Остро́м. Как отмечено в [Ménard, Shirley, 2014b. P. 11], если Р. Коуз, Д. Норт и О. Уильямсон «трансформировали раннюю интуицию об институтах в мощные концептуальные и аналитические средства, породившие жизнеспособную основу эмпирических исследований», то «стартовавшая несколько позже, чем первые трое, Элино́р Остро́м быстро оказала огромное влияние на политическую науку, экономические теории внешней среды и развития», опираясь как на экономическую теорию трансакционных издержек Уильямсона, так и на институциональный анализ Норта.

В методологическом аспекте основным результатом работ Остро́м и её коллег стало создание подхода к эмпирическому исследованию сложных социально-эколого-экономических систем, который был назван как «институциональный анализ и развитие» (ИАР) (*Institutional Analysis and Development*). Логика и техника ИАР изложены во многих работах, поэтому остановимся только на одной из них [Ostrom, 2011]. Анализируемая сложная система, отражаемая понятием *арена действия*, понимается как совокупность акторов, нахо-

дящихся в *ситуации действия* (Action Situation). На последнюю влияют *внешние переменные* (External Variables), состоящие из *биофизических условий* (Biophysical Conditions), *характеристик местного сообщества* (Attributes of Community) и *используемых правил действий* (Rules-in-Use). *Действия и взаимодействия* (Interactions) акторов, происходящие внутри ситуации, приводят к *конечным результатам* (Outcomes), которые влияют на внешние переменные, делая арену действий динамичной, и становятся *объектами оценок* (Evaluative), осуществляемых по ряду различных *критериев* (Criteria). Легко видеть, что очерченная общая картина объекта изучения предоставляет широкие возможности для использования различных (как качественных, так и количественных) инструментов исследования элементов системы и их взаимодействий, включая различные методы моделирования и экспериментирования, которые широко использовались в практически-ориентированных работах Остром и её коллег.

Легко видеть, что из очерченного предметного поля ИАР логически следует ряд принципов, которые определяют используемые методы анализа: это междисциплинарность исследований, методологический индивидуализм и опора на эмпирические данные, включая проверку гипотез, вытекающих из логической структуры арены действий. Принцип междисциплинарности обусловлен сложностью арены, признанием наличия в ней разнообразных внешних переменных. Принцип методологического индивидуализма необходим для того, чтобы корректно описывать действия и взаимодействия, не сводя их к таким конструктам, как «социальное влияние», «общественные нужды» и т.п., а представляя через действия индивидов и совокупность факторов принятия решений, включая имеющиеся у индивидов права собственности на ресурсы свободного доступа [Ostrom, 2009. Pp. 28–29]. Что касается третьего принципа, то, как подчёркнуто в [Żylicz, 2009. P. 157]: «Основная находка Элинор Остром не в том, что в экономическом анализе есть что-то неверное, но скорее в том, что экономисты, для того чтобы понять, как ведут себя люди, должны постоянно изучать системы реального мира». Как было показано выше, этот принцип полностью соответствует методологии Р. Коуза. Ещё один важный момент методологии Остром, также восходящий к Коузу — анализ механизмов координации использования ресурсов свободного доступа как полицентрических (Polycentric Governance) с явным использованием категории транзакционных издержек, что подробно проанализировано в [Hoffman, Spitzer, 2011].

Тем самым, методологический вклад Э. Остром в НИЭТ, базирующийся на ряде общих для неё принципов, отличается важными особенностями. Они обусловлены спецификой той предметной области, которая ранее не входила в круг детального изучения в НИЭТ. Одним из важных аспектов последнего можно считать вывод о том, что режим коммунальной собственности, долгое время считавшийся неустойчивым, в реальности оказался не менее продуктивным и «робастным», по выражению Остром [Ostrom, 2009], чем «классические» режимы частной и государственной собственности, — правда, при условии, что он является результатом *самоорганизации взаимодействий* стейкхолдеров использования ресурсов общего пользования.

Разумеется, характеристика методологии НИЭТ не сводится к тому, о чем писали Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон и Э. Остром. Маркетологи А. Риндфляйш и Ж. Хайде, подчёркнув адекватность анализа транзакционных издержек для решения широкого круга задач маркетинга, подробно охарактеризовали его поведенческие предпосылки (прежде всего, ограниченную рациональность и оппортунизм экономических агентов) и разнообразие используемых методов, таких как сбор эмпирических данных, измерение координирующих структур (governance structures), специфичности активов, неопределённости внешней среды и поведения участников транзакций, а также, конечно, транзакционных издержек [Rindfleisch, Heide, 1997].

П. Кляйн характеризует НИЭТ как «междисциплинарную деятельность (enterprise), соединяющую экономическую теорию, правоведение, организационную теорию, политическую науку, социологию и антропологию для того, чтобы понять институты социальной,

политической и коммерческой жизни. Она широко заимствует (материалы. — В.Т.) из разных социально-научных дисциплин, но её основным языком является экономическая теория» [Klein, 2000. P. 456].

К. Менар подчеркивает, что любая научная деятельность основана на трех опорах: «(1) теории, т.е. множестве вопросов и понятий, чтобы исследовать эти вопросы; (2) моделях, т.е. средствах, вырастающих из теории и создаваемых, чтобы порождать предсказания относительно того или иного класса феноменов; и (3) тестов, которые обычно включают измерения, чтобы определить, насколько поведенческие факты совпадают с предсказаниями» [Menard, 2001. P. 85]. В НИЭТ эти три основания имеются, и, тем не менее, они подвергаются методологической критике: «гетеродоксальные экономисты атакуют прежде всего сделанные предположения, особенно идею о том, что экономические агенты, некоторым образом, вычислительны (calculative), хотя и в более ограниченном смысле, чем в стандартных моделях, поскольку, по предположению, они ограниченно рациональны, а также о том, что у них есть тенденция находить решения, которые минимизируют издержки. Сторонники мейнстрима критикуют отсутствие математических моделей для поддержки рассуждений и вклада в проверку предсказаний — неправдоподобная (implausible) критика в свете замечательного роста эмпирических тестов и анализа, уже доступного в НИЭТ» [Ibid.]. Собственно методологическими трудностями в статье названы две: обоснование включения новых для мейнстрима понятий в их привычный набор, что естественно для любого нового подхода, и поиск более реалистичных предположений об экономическом поведении, что делает построение моделей гораздо более трудным [Menard, P. 90].

А.Е. Шаститко трактует предметно-методологические особенности НИЭТ в четырех направлениях: «Во-первых, основные концепции (понятия), в числе которых институты, транзакции, транзакционные издержки, ограниченная рациональность, оппортунистическое поведение, специфичность активов, фундаментальная трансформация, частный порядок улаживания конфликтов и некоторые другие. Во-вторых, подходы к исследованию посредством формулировки особенностей новой институциональной экономической теории в отличие от других исследовательских программ. В-третьих, совокупность моделей как инструментов, с помощью которых формулируются прогнозы. В-четвертых, эмпирическая проверка сформулированных на уровне моделей гипотез, количественная оценка» [Шаститко, 2003. С. 24]. Эти компоненты методологии близки к её пониманию К. Менаром, дополняя последнее основными концепциями, с чем трудно не согласиться.

Сопоставляя НИЭТ с неоклассикой, Г. Б. Клейнер выделил четыре положения, которые их различали со времени выделения НИЭТ в самостоятельное направление исследований: 1) признание институтов как «самостоятельных социально-экономических сущностей» [Клейнер, 2006. С. 113]; 2) следование принципу ограниченной рациональности поведения; 3) «признание максимизирующего поведения в качестве принципа, определяющего действия агентов» [Там же. С. 114]; (4) следование методологическому индивидуализму. С его точки зрения, «эти четыре положения сыграли важную роль в становлении, идентификации и автономизации НИЭТ, однако сейчас, при переходе к этапу зрелости, они должны быть существенным образом модифицированы» [Там же]; институты следует рассматривать как эволюционирующие и эндогенные сущности; ограниченная рациональность также должна пониматься как эндогенное явление в процессах принятия решений; «место принципа максимизирующего поведения должны занять принципы “институционального поведения”, т. е. поведения, индуцируемого институциональной принадлежностью агента, и принципы “эволюционного поведения”, поведения, определяемого инерцией, привычкой, традицией» [Там же]; «принцип методологического индивидуализма превращает общество в “плоскую” одноуровневую систему, не отражает системных свойств экономики и социума и также должен быть модифицирован с учетом *многоуровневости* общества и экономики» [Там же]. Легко видеть, что предложенная модификация направлена на инте-

грацию «старого» и «нового» институционализмов, причем путём поглощения второго первым, что, как было показано в [Тамбовцев, 2021], в принципе невозможно.

Вариант детального описания устройства предметной области НИЭТ был предложен в [Тамбовцев, 2007]. В его основу «положены два основания: 1) тип действия, совершаемого индивидом, и 2) форма, в которой это действие осуществляется» [Там же. С. 15]. В качестве типов действий рассматриваются: А) потребление, В) обмен, С) изменение и D) принуждение, а среди форм их осуществления рассматриваются: 1) действие, реализующее интерес (направленное на достижение какой-либо цели), осуществляется непосредственно индивидом; 2) несколько индивидов реализуют свой интерес сообща; 3) индивид реализует свой интерес через коллективное действие.

В Предисловии к справочнику по НИЭТ, в разделе, посвящённом методологии, его редакторы Э. Бруссо и Ж.-М. Глашан [Brousseau, Glachant, 2008], отметив, что экономическая теория институтов исследует сложные вопросы, вытекающие из сложности социальных систем, объясняют: именно этим обусловлен тот факт, что НИЭТ основывается на комбинации многих методологий. Будучи научным движением (scientific movement)⁶, НИЭТ преследует цель идентифицировать причинные отношения, в силу чего «один размер для всех не подходит» (one size does not fit all), и необходимо соединять многие методологии. Математическое моделирование выступает при этом ключевым средством. В его рамках важные роли играют теория игр, эконометрика, а также методы экспериментальной экономики, активно опирающиеся на использование теории игр. Тем самым методология определённо трактуется как прикладная, а не философская.

Ф. Бекманн и М. Падманабхан, обсуждая методы эмпирического анализа институтов, назвали в качестве наиболее общих кейс-стади, эконометрику, экспериментирование и агент-ориентированное моделирование [Beckmann, Padmanabhan, 2009]. Конкретизируя действенность их применения, они предложили типологию исследовательских ситуаций, включающую уровни анализа (социальная укоренённость, институциональная среда, координирующие структуры и распределение ресурсов) и исследуемые вопросы (следствия, причины и процессы), связав с каждой из ситуаций наиболее подходящие, по их мнению, методы анализа.

Н. Фосс и П. Кляйн, отметив, что критика НИЭТ является «процветающей отраслью» (thriving industry), относят к базовым чертам объекта критики признание ею ограниченной рациональности индивидов, их внешней мотивации, трактовку выбора как стандартной задачи максимизации или как сравнение дискретных структурных альтернатив [Foss, Klein, 2010]. При этом они отмечают, что критика фокусируется преимущественно на тех феноменах, которые, в силу их сложности, трудно моделировать: инновациях, научении, предпринимательстве, эволюционных процессах.

В качестве основных компонентов методологии НИЭТ в [Шапкин, 2011] подчеркиваются методологический индивидуализм, использование аналитического инструментария мейнстрима, стремление к эмпирическому анализу и междисциплинарность. Автор отмечает также, что слабая разработанность методологии НИЭТ во многом «объясняется отсутствием у институциональной теории общей логической основы. Предмет исследования и методы, используемые в теории трансакционных издержек, теории организации, контрактной теории и новой экономической истории, существенно различаются» [Там же. С. 58].

Статья А.Е. Шаститко является одной из немногих, если вообще не единственной, для отечественных практикующих экономистов — сторонников НИЭТ, которая посвящена решению задачи, классической для философии науки: «показать возможности и ограничения трак-

⁶ Схожая оценка дана в [Ménard, Shirley, 2014. P. 542]: «...общая теория в институциональной экономике отсутствует, и НИЭТ во многом представляет собой децентрализованное поле исследований. Фактически, НИЭТ в некотором смысле скорее движение, чем поле».

товки новой институциональной экономической теории как исследовательской программы» [Шаститко, 2013. С. 37]. Проведённый в ней анализ приводит к следующим выводам: «Различия в исследовательских подходах в рамках НИЭТ, несмотря на наличие общих черт, позволяет поставить вопрос: не является ли НИЭТ просто определенной философией, особым мировоззрением. В той мере, в какой новый институционализм, расширяя множество типов ситуаций выбора (согласно определению Роббинса), позволяет изменить “координатную сетку” исследований — ответ положительный» [Там же. С. 45]. Как показывает анализ работы, основанием для объявления НИЭТ «определенной философией» автор считает «применение различных аналитических инструментов» исследователями, идентифицирующими себя как сторонники НИЭТ: «Различия проявляются в том, что перечисленные выше свойства НИЭТ как исследовательской программы раскрываются по-разному и в разной мере» [Там же]⁷.

Однако применение различных аналитических инструментов легко объясняется решением разных исследовательских задач внутри одной исследовательской программы. Именно об этом говорят приводимые далее автором примеры различий между теорией управления поведением исполнителя, теорией прав собственности и теорией транзакционных издержек. Да и сами представления о том, что «настоящая» исследовательская программа обязательно должна быть однородной, вызывают большие сомнения: общим является «жесткое ядро», в то время как его применения не могут не различаться в зависимости от объектов и задач конкретных исследований. Такие различия были названы К. Менар и М. Ширли *научными школами* (schools of thought) внутри НИЭТ [Ménard, Shirley, 2014a. P. 11]. Более того, любой исследователь, вносящий что-то новое в ту или иную исследовательскую программу, не может этим не отличаться от других её участников. Это, естественно, не может служить основанием для квалификации такой программы как всего лишь «определенной философии». Тем самым «идеальная» однородная исследовательская школа может существовать, если она представлена лишь одним-единственным исследователем. Вопрос о том, что может дать трактовка НИЭТ как исследовательской программы или как определённой философии для улучшения способов решения тех задач, которые в ней анализируются, остается, конечно, открытым.

Другая статья А. Е. Шаститко «посвящена сравнительному анализу дискретных институциональных альтернатив, который предлагается операционализировать, обратившись к институциональному проектированию на разных уровнях взаимодействия между экономическими агентами или их группами» [Шаститко, 2016. С. 96]. Подобный анализ, как легко видеть, относится к изучению прикладной методологии НИЭТ, к тому, что и как делают и могут делать практикующие экономисты.

В статье [Тамбовцев, 2020b], посвященной методологии анализа неформальных институтов, сформулирована последовательная логика анализа, начиная от идентификации неформального института, исходя преимущественно из наблюдения за поведением индивидов, и заканчивая оценками влияния выявленного института на поведение как его непосредственных адресатов, так и тех, кто оказываются получателями внешних эффектов. Поскольку набор предлагаемых методов достаточно широк, по их охвату эта работа шире, чем отмеченный в статье [Skarbek, 2020], посвященный лишь потенциалу качественных методов изучения институтов.

Из представленного (разумеется, далеко не полного) обзора того, что пишут последователи НИЭТ о её методологии, мы видим, что абсолютно преобладающим является понимание этой методологии как совокупности предпосылок и принципов относительно того, что представляют собой объекты анализа, и того, как их имеет смысл изучать, чтобы действовать в рамках науки. Понимаемую так методологию, в отличие от философской, можно назвать *исследовательской методологией* (ИМ).

⁷ Разнородность НИЭТ как исследовательской программы уже отмечалась ранее в литературе [Hardt, 2006].

Основная проблема исследовательской методологии институционального анализа

Характеристики использованной ИМ можно встретить почти в каждой эмпирической работе, где авторы рассказывают, как они, исходя из некоторых теоретических представлений, формировали и обосновывали гипотезы, какие данные они получали и/или использовали для их проверки и как они обрабатывали эти данные. К ней относятся также разделы статей, где описывается интерпретация получаемых результатов обработки данных.

Эта логика ИМ имеет почти универсальный характер, отличаясь от описанной только в тех случаях, когда инструментарий проверки гипотез базируется на построении математических моделей. В этих случаях логика включает также этап *построения модели*, формируемой на основе представлений и словесных описаний тех или иных связей, которые, с точки зрения исследователя, существуют в реальности, в окружающем его мире. Такие словесные описания были названы в [Spiegler, Milberg, 2009] *квази-моделями*.

Квази-модели могут появляться у исследователей на основе многих факторов, от восприятия или разработки теоретических концепций до опыта наблюдений за экономическими процессами. Они могут как заимствоваться из чтения опубликованных статей, обсуждения того или иного вопроса с коллегами, так и быть следствиями неосознанного (автоматического) внимания к тем или иным регулярностям [Zhao, Al-Aidroos, Turk-Browne, 2013]. Иными словами, формирование квази-моделей в исследовании, предшествующее построению математических моделей, представляет собой сложный когнитивный процесс, который, во-первых, недостаточно изучен в когнитивных науках, а во-вторых, тем самым лежит вне области изучения ИМ.

Однако к этой области относится, как представляется, *переход* от квази-моделей к собственно моделям, работа исследователя с которыми дает ему возможность проверять гипотезы, сделанные на основе предшествующего анализа, и этот переход остается малоизученным. Развитие знания о том, как на основе квази-моделей формируются модели, особенно важно для НИЭТ, поскольку объекты её изучения — институты — *сложны* и не обладают значимыми свойствами, имеющими естественные (натуральные и денежные) измерители. Между тем *эмпирические* подтверждения той значимой роли, которую играют институты в экономиках стран мира с точки зрения теории, были получены в рамках работы с различными математическими *моделями*. Если последние, свидетельствуя о влиянии институтов на экономику, отражали институты не вполне адекватно, надёжность и убедительность этих свидетельств окажется под сомнением.

Именно на это обстоятельство обращают внимание П. Шпиглер и У. Милберг в упомянутой выше статье, замечая, что использованные формальные модели «слишком скудны (parsimonious) для того, чтобы достоверно осветить те сложные институты, которые они чисто внешне (ostensibly) представляют» [Spiegler, Milberg, 2009. P. 290]. По их мнению, объяснительная сила проведенных исследований связана не с формальными моделями, а с породившими их квази-моделями, т.е. словесными характеристиками того, что отражают формальные модели. При том, что соответствие между моделями и квази-моделями обычно достаточно слабо (loose), а слишком широкий (untethered) характер квази-моделей делает их самих ненадёжными источниками для строгих выводов.

Отмечая справедливость этих замечаний, нельзя не отметить, что критикой не затрагивается то обстоятельство, что используемые для расчетов измерители институциональных факторов (Worldwide Governance Indicators, Index of Economic Freedom of the World, International Country Risk Guide, Ease-of-Doing-Business Index и др.) устроены так, что отражают преимущественно агрегированные (общестрановые) характеристики *результатов* (последствий) наличия институтов в экономике. Однако такие резуль-

таты не являются (и не могут являться!) следствиями *только институциональных* (или *только культурных*, *только религиозных* и т.п.) факторов, вбирая в себя воздействие *всех неэкономических* факторов (но, разумеется, в разной степени для разных измерителей). Особенно вызывают сомнение инструментальные переменные (ИП), которые используются в моделях достаточно часто: статистический анализ действительно показывает, что ИП хорошо коррелируют с «социальными» переменными, которые часто подвержены проблеме эндогенности, однако вопрос о механизме влияния «социальных» факторов на изучаемые (зависимые) экономические переменные остается при этом открытым, а соответствующие квази-модели затруднительно сопроводить каким-либо эмпирическим анализом.

Нельзя не отметить и такой момент, что отбор «наилучших» эконометрических моделей осуществляется обычно по их *статистическим* качествам путем сравнения большого числа, доходящего до сотен тысяч вариантов моделей, различающихся переменными, типами их связей и т.п., при том, что содержательная интерпретация оказавшегося «лучшим» варианта часто оказывается в то же время не слишком совместимой с соответствующей квази-моделью.

Нельзя сказать, что затронутые проблемы новы и специфичны для НИЭТ, они — черта всего экономико-математического моделирования и детально обсуждаются в [Клейнер, 2001; Клейнер, 2003]. Однако эти проблемы не всегда становятся объектами внимания практикующих экономистов, работающих в рамках НИЭТ, в силу чего я считаю, что именно они являются на сегодня *ключевыми* для развития её методологии.

Выводы

Проведённый анализ позволяет заключить, что упомянутая в начале статьи и подчеркиваемая рядом исследователей «методологическая недоразвитость» НИЭТ касается *только философской методологии*. Взгляд на НИЭТ под углом зрения последней не вызвал значительного интереса у практикующих экономистов, которые используют НИЭТ как направление институционального анализа. Поэтому, если методологи считают, что «их» методология в каком-то направлении экономической науки развита недостаточно, то её развитие — задача самих методологов.

Представленный выше анализ позволяет также охарактеризовать основные черты той ИМ, которая используется сторонниками НИЭТ в их исследованиях, как теоретических, так и ориентированных на изучение практики экономической деятельности.

К их *общенаучной* части можно отнести:

- ▶ методологический индивидуализм;
- ▶ проверяемость выводов практикой;
- ▶ ограниченная рациональность индивидов;
- ▶ междисциплинарность как широкое привлечение результатов других наук;
- ▶ строгость определения понятий;
- ▶ поиск причинных (механизменных) объяснений;
- ▶ стремление применять количественные методы анализа, включая эконометрическое и агент-ориентированное моделирование.

К *специфическим* характеристикам исследовательского подхода НИЭТ относятся:

- ▶ учёт важности институтов для понимания характера взаимодействия индивидов и результатов этих взаимодействий;
- ▶ учёт трансакционных издержек как неотъемлемых свойств экономических взаимодействий;

- ▶ трактовка действий как следствия принятия решений, учитывающих и эгоистические, и социальные факторы, и стремящихся максимизировать функцию полезности⁸, которая может как включать, так и не включать интересы других индивидов;
- ▶ ориентация на операциональность и измеримость используемых и вводимых понятий.

Последний момент особенно важен, поскольку для того, чтобы некоторое новое понятие было включено в современный экономический мейнстрим, необходимо, чтобы оно либо стало *измеримым*, либо смогло бы быть включено в математические модели хотя бы в виде символа, относительно которого можно было бы предположить *возможность* измерения. Новое понятие (идея, гипотеза причинной зависимости и т.п.), не обладающее ни одним из этих свойств, практически утрачивает возможность стать включённым в состав мейнстрима.

Приведенные положения, основывающиеся на проанализированной литературе, нельзя считать *исчерпывающей* характеристикой ИМ НИЭТ. Однако они, как представляется, включают наиболее значимые её черты, разделяющие НИЭТ и иные направления исследования институтов в социальных науках.

ЛИТЕРАТУРА

- Клейнер Г.Б. (2001). Экономико-математическое моделирование и экономическая теория // Экономика и математические методы. Т. 37. № 3. С. 111–126.
- Клейнер Г.Б. (2003). К методологии моделирования принятия решений экономическими агентами // Экономика и математические методы. Т. 39. № 2. С. 167–182.
- Клейнер Г.Б. (2006). Новая институциональная экономика: на пути к «сверхновой» // Российский журнал менеджмента. Т. 4. № 1. С. 113–122.
- Расков Д.Е. (2010). Образ экономики в институционализме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 3. С. 32–41.
- Тамбовцев В.Л. (2007). Предметное поле новой институциональной экономической теории // Terra Economicus. Т. 5. № 3. С. 9–17.
- Тамбовцев В.Л. (2013). Методологический анализ и развитие экономической науки // Общественные науки и современность. № 4. С. 42–53.
- Тамбовцев В.Л. (2020а). Непродуктивность попыток методологического синтеза // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 7–31.
- Тамбовцев В.Л. (2020b). Методология эмпирического анализа неформальных институтов // Journal of Institutional Studies. Т. 12. № 3. С. 6–23.
- Тамбовцев В.Л. (2021). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // Вопросы экономики. № 1. С. 33–51.
- Шапкин В. В. (2011). Методологические основания институционализма // Проблемы современной экономики. № 2. С. 58–62.
- Шаститко А.Е. (2003). Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. № 1. С. 24–41.
- Шаститко А.Е. (2013). Методологический статус новой институциональной экономической теории // Журнал экономической теории. №4. С. 36–47.
- Шаститко А.Е. (2016). О методологии институциональных исследований (К 80-летию статьи Рональда Коуза «Природа фирмы») // Вопросы экономики. № 8. С. 96–119.
- Albrecht B.C., Kogelmann B. (2020). Coasean Causal Inference: Using Models as Foils. www.brianalbrecht.com/Albrecht_Kogelmann_Coasean_Inference.pdf (дата обращения 11.05.2021).
- Archibald G.C., Simon H.A., Samuelson P.A. (1963). Discussion // American Economic Review. Vol. 53. No. 2. Pp. 227–236.
- Barnard G.A. (1982). Causation // Encyclopedia of Statistical Sciences / S. Kotz, N. Johnson and C. Read (Eds.). — New York: Wiley. Pp. 387–389.
- Beckmann V., Padmanabhan M. (2009). Analysing Institutions: What Method to Apply? / V. Beckmann, M. Padmanabhan (Eds.) // Institutions and Sustainability. — Dordrecht: Springer. Pp. 341–371.
- Bertrand E. (2016). Coase's choice of methodology // Cambridge Journal of Economics. Vol. 40. No. 4. Pp. 1203–1227.

⁸ Стремление максимизировать реализуется ограниченно рациональными индивидами и не тождественно максимизации, которая предполагает *неограниченную* рациональность.

- Blaug M. (1992). Preface / M. Blaug *The Methodology of Economics or How Economists Explain*. Second Edition. — New York: Cambridge University Press. Pp. xi-xxiii.
- Boland L.A. (1989). *Methodology vs Applied Methodology // The Methodology of Economic Model Building: Methodology after Samuelson / L.A. Boland*. — London; New York: Routledge. Pp. 1–14.
- Boland L.A. (2016). *Philosophy of Economics versus Methodology of Economics // Studia Metodologiczne*. No. 36. Pp. 17–26.
- Brousseau É., Glachant J.-M. (2008). *A Road Map for the Guidebook // New Institutional Economics: A Guidebook / É. Brousseau and J.-M. Glachant (Eds.)*. — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. xxxix–lvi.
- Brownlow G.A. (2010). *Structure and change: Douglass North's economics // Journal of Economic Methodology*. Vol. 17. Is. 3. Pp. 301–316.
- Cheng C.-P. (2005). *Critical Realism and Institutionalism: Integrating the Scientific Method of John R. Commons and Douglass C. North // Soochow Journal of Economics and Business*. No. 51. Pp. 297–318.
- Coase R.H. (1978). *Economics and contiguous disciplines // Journal of Legal Studies*. Vol. 7. Is. 2. Pp. 201–11.
- Coase R.H. (1984). *The New Institutional Economics // Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Bd. 140. H. 1. Pp. 229–231.
- Coase R.H. (1998). *The new institutional economics // American Economic Review*. Vol. 88. Is. 2. Pp. 72–74.
- Colander D., Holt R.P.F., Rosser J.B., Jr. (2007). *Live and dead issues in the methodology of economics // Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 30. Is. 2. Pp. 303–312.
- Davis L.E., North D.C. (1970). *Institutional Change and American Economic Growth: A First Step Towards a Theory of Institutional Innovation // Journal of Economic History*. Vol. 30. No. 1. Pp. 131–149.
- Dugger W.M. (1983). *The Transaction Cost Analysis of Oliver E. Williamson: A New Synthesis? // Journal of Economic Issues*. Vol. 17. Is. 1. Pp. 95–114.
- Dugger W.M. (1995). *Douglass C. North's New Institutionalism // Journal of Economic Issues*. Vol. 29. No. 2. Pp. 453–458.
- Düppe T. (2011). *How economic methodology became a separate science // Journal of Economic Methodology*. Vol. 18. No. 2. P. 163–176.
- Field A.J. (1979). *On the explanation of rules using rational choice models // Journal of Economic Issues*. Vol. 13. No. 1. Pp. 49–72.
- Foss N.J., Klein P.G. (2010). *Critiques of transaction cost economics: An overview // The Elgar Companion to Transaction Cost Economics / P.G. Klein and M.E. Sykuta (Eds.)*. — Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 263–272.
- Franck G. (2002). *The scientific economy of attention: A novel approach to the collective rationality of science // Scientometrics*. Vol. 55. No. 1. P. 3–26.
- Frey B.S. (2001). *Why economists disregard economic methodology // Journal of Economic Methodology*. Vol. 8. Is. 1. P. 41–47.
- Friedman M. (1953). *The Methodology of Positive Economics. / M. Friedman Essays in Positive Economics*. — Chicago: University of Chicago Press. Pp. 3–43.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006). *Does culture affect economic outcomes? // Journal of Economic Perspectives*. Vol. 20. No. 2. Pp. 23–48.
- Hardt L. (2006). *Transaction cost economics as a three dimensional externally driven research program // Studia Ekonomiczne (Economic Studies)*. No. 1–2 (48–49). Pp. 7–31.
- Hausman D.M. (1984). *Philosophy and Economic Methodology // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, Vol. 2: Symposia and Invited Papers. Pp. 231–249.
- Hausman D.M. (1989). *Economic Methodology in a Nutshell // Journal of Economic Perspectives*. Vol. 3. No. 2. Pp. 115–127.
- Hodgson G.M. (1989). *Institutional economic theory: the old versus the new // Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 249–269.
- Hoffman E., Spitzer M.L. (2011). *The Enduring Power of Coase // Journal of Law and Economics*. Vol. 54. No. 4. Pp. 63–76.
- Hsiung B. (2004). *An Interpretation of Ronald Coase's Analytical Approach // History of Economics Review*. Vol. 39. Is. 1. Pp. 12–32.
- Hsiung B., Gunning J.P. (2002). *Ronald Coase's Method of Building More Realistic Models of Choice // Review of Political Economy*. Vol. 14. Is. 2. Pp. 227–239.
- Klein P.G. (2000). *New Institutional Economics. // Encyclopedia of Law & Economics*, Vol. 1 / B. Bouckaert and G. De Geest (Eds.). — Cheltenham, U.K.: Edward Elgar. Pp. 456–489.
- Langlois R.N. (1986). *Rationality, institutions, and explanation // Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics / R. Langlois (Ed.)*. — New York: Cambridge University Press. Pp. 225–255.
- Langlois R.N. (1989). *What was wrong with the old institutional economics (and what is still wrong with the new)? // Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 270–298.
- Luz M.R.S., Fernandez R.G. (2018). *Are We Forgetting Something? Remarks on the Connections Between Douglass North's Contributions and Original Institutional Economics // Journal of Economic Issues*. Vol. 52. Is. 2. Pp. 589–599.
- Maki U. (1998). *Is Coase a realist? // Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 28. Is. 1. Pp. 5–31.

- Mayhew A. (1989). Contrasting origins of the two institutionalisms: the social science context // *Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 319–333.
- McCloskey D.N. (1983). The Rhetoric of Economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 21. No. 2. Pp. 481–517.
- McCloskey D.N. (1985). *The Rhetoric of Economics*. — Madison: University of Wisconsin Press.
- Ménard C. (2001). Methodological issues in new institutional economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 8. Is. 1. Pp. 85–92.
- Ménard C., Shirley M.M. (2014a). The future of new institutional economics: from early intuitions to a new paradigm? // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 10. Is. 4. Pp. 541–565.
- Ménard C., Shirley M. M. (2014b). The Contribution of Douglass North to New Institutional Economics // *Institutions, Property Rights and Economic Growth: The legacy of Douglass North / S. Galani, I. Sened (Eds.)*. — New York: Cambridge University Press. Pp. 11–29.
- Nassiri A.A. (2010). Coase's methodology in reforming economic theory: With special focus on «The Nature of the Firm» and «The Problem of Social Cost» // *Methodology of Social Sciences and Humanities*. No. 16(62). Pp. 61–88. www.sid.ir/en/journal/ViewPaper.aspx?id=241984 (дата обращения 11. 05. 2021).
- North D.C. (1966/1974/1983). *Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History*. — Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- North D.C. (1968). Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 // *Journal of Political Economy*. Vol. 76. No. 5. Pp. 953–967.
- North D.C. (1977). The New Economic History After Twenty Years // *American Behavioral Scientist*, Vol. 21. Is. 2. Pp. 187–200.
- North D.C. (1979). A framework for analyzing the state in economic history // *Explorations in Economic History*. Vol. 16. Is. 3. Pp. 249–259.
- North D.C. (1987). Rent-Seeking and the New Institutional Economics // *Democracy and Public Choice: Essays in Honor of Gordon Tullock / C.K. Rowley (Ed.)*. — Oxford: Basil Blackwell. Pp. 163–167.
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. — Princeton: Princeton University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. (2007). Limited Access Orders in the Developing World: A New Approach to the Problems of Development // *World Bank Policy Research Working Paper 4359*.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — New York: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (2011). Background on the Institutional Analysis and Development Framework // *Policy Studies Journal*. Vol. 39. No. 1. Pp. 7–27.
- Ostrom E. (2009). Design Principles of Robust Property Rights Institutions: What Have We Learned? // *Property Rights and Land Policies / G.K. Ingram, Y.-H. Hong (Eds.)*. — Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy. Pp. 25–51.
- Posner R.A. (1993). Ronald Coase and Methodology // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. No. 4. Pp. 195–210.
- Richter R. (2005). The New Institutional Economics: Its Start, Its Meaning, Its Prospects // *European Business Organization Law Review*. Vol. 6. Is. 2. Pp. 161–200.
- Rindfleisch A., Heide J.B. (1997). Transaction Cost Analysis: Past, Present, and Future Applications // *Journal of Marketing*. Vol. 61. No. 4. Pp. 30–54.
- Rodrik D. (2015). *Economics Rules: Why Economics Works, When It Fails, and How to Tell the Difference*. — Oxford: Oxford University Press.
- Rutherford M. (1989). What is wrong with the new institutional economics (and what is still wrong with the old)? // *Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 299–318.
- Shirley M., Wang N., Ménard C. (2015). Ronald Coase's impact on economics // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 11. Is. 2. Pp. 227–244.
- Simon H.A. (1955). A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 69. No. 1. Pp. 99–118.
- Simon H.A. (1959). Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science // *American Economic Review*. Vol. 49. No. 3. Pp. 253–283.
- Skarbek D. (2020). Qualitative research methods for institutional analysis // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 16. Is. 4. Pp. 409–422.
- Solow R. (2001). A Native Informant Speaks // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 8. No. 1. Pp. 111–112.
- Spiegler P., Milberg W. (2009). The taming of institutions in economics: The rise and methodology of the 'new new institutionalism' // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 5. Is. 3. Pp. 289–313.
- Spithoven A. (2019). Similarities and Dissimilarities between Original Institutional Economics and New Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 53. Is. 2. Pp. 440–447.
- The Philosophy of Economics: An Anthology* (2008) / D. M. Hausman (Ed.). 3rd Edition. — Cambridge: Cambridge University Press.

- Vandenberg P. (2002). North's Institutionalism and the Prospect of Combining Theoretical Approaches // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 26. Is. 2. Pp. 217–235.
- Vromen J. (2021). What are we up to? // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 28. Is. 1. Pp. 23–31.
- Williamson Ó. (2009). Pragmatic methodology: A sketch, with applications to transaction cost economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 16. Is. 2. Pp. 145–157.
- Zerbe R. O., Medema S. G. (1998). Ronald Coase, the British Tradition, and the Future of Economic Method // *Coasean Economics Law and Economics and the New Institutional Economics* / S.G. Medema (Ed.). — Dordrecht: Springer. Pp. 209–238.
- Zhao J., Al-Aidroos N., Turk-Browne N. B. (2013). Attention Is Spontaneously Biased Toward Regularities // *Psychological Science*. Vol. 24. No. 5. Pp. 667–677.
- Żylicz T. (2009). What economists are to learn from the economic crisis? // *Studia ekonomiczne (Economic studies)*. No. 3–4 (LXII–LXIII). Pp. 157–162.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of sciences (Economics), professor, chief researcher scientist, faculty of Economics Lomonosov Moscow State University

tambovtsev@econ.msu.ru

METHODOLOGY OF THE NEW INSTITUTIONAL ECONOMICS: DO WE ALL MEAN THE SAME?

Abstract. Since the beginning of the new institutional economics (NIE) formation, many researchers say that its methodology is poorly or insufficiently developed. The purpose of this article is to answer the question, what methodology are we talking about? Analysis of the literature shows that it is conventional philosophical methodology, i. e., analysis of a scientific discipline from the point of view of one or another version of the philosophy of science. It also shows that researchers working in the NIE framework have practically no interest in studying and evaluating it from the philosophy of science's point of view. At the same time, the research methodology, i. e., a set of assumptions and methods for the scientific study of institutes has received a fairly wide development at the NIE. These research methodologies, although somewhat different from each other in their descriptions, are very close in content, which made it possible, on the basis of the analysis, to formulate the basic principles of the NIE research methodology and identify its main problem: the undeveloped transformation of qualitative quasi-models into rigorous mathematical models that used for empirical testing of the formulated hypotheses.

Keywords: *new institutional economics; philosophical methodology; research methodology.*

JEL: B41, B52, C00.

REFERENCES

- Albrecht B. C., Kogelmann B. (2020). *Coasean Causal Inference: Using Models as Foils*. www.brianalbrecht.com/Albrecht_Kogelmann_Coasean_Inference.pdf (access date: 11.05.2021).
- Archibald G. C., Simon H. A., Samuelson P. A. (1963). Discussion // *American Economic Review*. Vol. 53. No. 2. Pp. 227–236.
- Barnard G. A. (1982). Causation // *Encyclopedia of Statistical Sciences* / S. Kotz, N. Johnson and C. Read (Eds.). — New York: Wiley. Pp. 387–389.
- Beckmann V., Padmanabhan M. (2009). Analysing Institutions: What Method to Apply? // *Institutions and Sustainability* / V. Beckmann, M. Padmanabhan (Eds.). — Dordrecht: Springer. Pp. 341–371.
- Bertrand E. (2016). Coase's choice of methodology // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 40. No. 4. Pp. 1203–1227.
- Blaug M. (1992). Preface // *The Methodology of Economics or How Economists Explain*. Second Edition / M. Blaug. — New York: Cambridge University Press. Pp. xi–xxiii.
- Boland L.A. (1989). Methodology vs Applied Methodology // *The Methodology of Economic Model Building: Methodology after Samuelson* / L.A. Boland. — London and New York: Routledge. Pp. 1–14.
- Boland L.A. (2016). Philosophy of Economics versus Methodology of Economics // *Studia Metodologiczne*. No. 36. Pp. 17–26.
- Brousseau É., Glachant J. -M. (2008). A Road Map for the Guidebook. // *New Institutional Economics: A Guidebook* / É. Brousseau, J. -M. Glachant (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. xxxix–lvi.
- Brownlow G.A. (2010). Structure and change: Douglass North's economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 17. Is. 3. Pp. 301–316.

- Cheng C.-P. (2005). Critical Realism and Institutionalism: Integrating the Scientific Method of John R. Commons and Douglass C. North // *Soochow Journal of Economics and Business*. No. 51. Pp. 297–318.
- Coase R.H. (1984). The New Institutional Economics // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Bd. 140. H. 1. Pp. 229–231.
- Coase R.H. (1998). The New Institutional Economics // *American Economic Review*. Vol. 88. Is. 2. Pp. 72–74.
- Coase R.H. (1978). Economics and Contiguous Disciplines // *Journal of Legal Studies*. Vol. 7. Is. 2. Pp. 201–11.
- Colander D., Holt R.P.F., Rosser J.B., Jr. (2007). Live and dead issues in the methodology of economics // *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 30. Is. 2. Pp. 303–312.
- Davis L.E., North D.C. (1970). Institutional Change and American Economic Growth: A First Step Towards a Theory of Institutional Innovation // *Journal of Economic History*. Vol. 30. No. 1. Pp. 131–149.
- Dugger W.M. (1983). The Transaction Cost Analysis of Oliver E. Williamson: A New Synthesis? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 17. Is. 1. Pp. 95–114.
- Dugger W.M. (1995). Douglass C. North's New Institutionalism // *Journal of Economic Issues*. Vol. 29. No. 2. Pp. 453–458.
- Düppe T. (2011). How economic methodology became a separate science // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 18. No. 2. P. 163–176.
- Field A.J. 1979: On the explanation of rules using rational choice models // *Journal of Economic Issues*. Vol. 13. No. 1. Pp. 49–72.
- Foss N. J., Klein P. G. (2010). Critiques of transaction cost economics: An overview // *The Elgar Companion to Transaction Cost Economics* / P. G. Klein and M. E. Sykuta (Eds.). — Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 263–272.
- Franck G. (2002). The scientific economy of attention: A novel approach to the collective rationality of science // *Scientometrics*. Vol. 55. No. 1. Pp. 3–26.
- Frey B.S. (2001). Why economists disregard economic methodology // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 8. Is. 1. Pp. 41–47.
- Friedman M. (1953). The Methodology of Positive Economics // *Essays in Positive Economics* / M. Friedman — Chicago: University of Chicago Press. Pp. 3–43.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2006). Does culture affect economic outcomes? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 20. No. 2. Pp. 23–48.
- Hardt L. (2006). Transaction cost economics as a three dimensional externally driven research program // *Studia Ekonomiczne (Economic Studies)*. No. 1–2 (48–49). Pp. 7–31.
- Hausman D.M. (1984). Philosophy and Economic Methodology // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. Vol. 2: Symposia and Invited Papers*. Pp. 231–249.
- Hausman D.M. (1989). Economic Methodology in a Nutshell // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 3. No. 2. Pp. 115–127.
- Hodgson G.M. (1989). Institutional economic theory: the old versus the new // *Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 249–269.
- Hoffman E., Spitzer M.L. (2011). The Enduring Power of Coase // *Journal of Law and Economics*. Vol. 54. No. 4. Pp. 63–76.
- Hsiung B. (2004). An Interpretation of Ronald Coase's Analytical Approach // *History of Economics Review*. Vol. 39. Is. 1. Pp. 12–32.
- Hsiung B., Gunning J. P. (2002). Ronald Coase's Method of Building More Realistic Models of Choice // *Review of Political Economy*. Vol. 14. Is. 2. Pp. 227–239.
- Klein P.G. (2000). New Institutional Economics // *Encyclopedia of Law & Economics*. Vol. 1. / Bouckaert B., De Geest G. (Eds.). — Cheltenham, U.K.: Edward Elgar. Pp. 456–489.
- Klejner G.B. (2001). Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie i jekonomicheskaja teorija [Economic and mathematical modeling and economics] // *Ekonomika i matematicheskie metody*. Vol. 37. No. 3. Pp. 111–126. (In Russ.).
- Kleiner G.B. (2003). K metodologii modelirovaniya prinyatiya reshenij ekonomicheskimi agentami [To the methodology of decision-making modeling by economic agents] // *Ekonomika i matematicheskie metody*. Vol. 39. No. 2. Pp. 167–182. (In Russ.).
- Kleiner G.B. (2006). Novaya institucional'naya ekonomika: na puti k «sverkhnoj» [New Institutional Economics: On the Way toward «Supernova»] // *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*. Vol. 4. No. 1. Pp. 113–122. (In Russ.).
- Langlois R.N. (1986). Rationality, institutions, and explanation // *Economics as a Process: Essays in the New Institutional Economics* / R. Langlois (Ed.). — New York: Cambridge University Press. Pp. 225–255
- Langlois R.N. (1989). What was wrong with the old institutional economics (and what is still wrong with the new)? // *Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 270–298.
- Luz M.R.S., Fernandez R.G. (2018). Are We Forgetting Something? Remarks on the Connections Between Douglass North's Contributions and Original Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 52. Is. 2. Pp. 589–599.
- Maki U. (1998). Is Coase a realist? // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 28. Is. 1. Pp. 5–31.

- Mayhew A. (1989). Contrasting origins of the two institutionalisms: the social science context // *Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 319–333.
- McCloskey D.N. (1983). The Rhetoric of Economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 21. No. 2. Pp. 481–517.
- McCloskey D.N. (1985). *The Rhetoric of Economics*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Ménard C. (2001). Methodological issues in new institutional economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 8. Is. 1. Pp. 85–92.
- Ménard C., Shirley M. M. (2014a). The future of new institutional economics: from early intuitions to a new paradigm? // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 10. Is. 4. Pp. 541–565.
- Ménard C., Shirley M. M. (2014b). The Contribution of Douglass North to New Institutional Economics // *Institutions, Property Rights and Economic Growth: The legacy of Douglass North* / Galani S., Sened I. (Eds.). New York: Cambridge University Press. Pp. 11–29.
- Nassiri A.A. (2010). Coase's methodology in reforming economic theory: With special focus on «The Nature of the Firm» and «The Problem of Social Cost» // *Methodology of Social Sciences and Humanities*. No. 16(62). Pp. 61–88. www.sid.ir/en/journal/ViewPaper.aspx?id=241984 (access date: 11. 05. 2021).
- North D.C. (1966/1974/1983). *Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.
- North D.C. (1968). Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 // *Journal of Political Economy*. Vol. 76. No. 5. Pp. 953–967.
- North D.C. (1977). The New Economic History After Twenty Years. // *American Behavioral Scientist*. Vol. 21. Is. 2. Pp. 187–200.
- North D.C. (1979). A framework for analyzing the state in economic history // *Explorations in Economic History*. Vol. 16. Is. 3. Pp. 249–259.
- North D.C. (1987). Rent-Seeking and the New Institutional Economics. // *Democracy and Public Choice: Essays in Honor of Gordon Tullock* / C. K. Rowley (Ed.). Oxford: Basil Blackwell. Pp. 163–167.
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Webb S.B. and Weingast B.R. (2007). Limited Access Orders in the Developing World: A New Approach to the Problems of Development. // *World Bank Policy Research Working Paper* 4359.
- North D.C., Wallis J.J. & Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New York: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (2009). Design Principles of Robust Property Rights Institutions: What Have We Learned? // *Property Rights and Land Policies*. / G.K. Ingram and Y.-H. Hong (Eds.). Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy. Pp. 25–51.
- Ostrom E. (2011). Background on the Institutional Analysis and Development Framework. // *Policy Studies Journal*. Vol. 39. No. 1. Pp. 7–27.
- Posner R.A. (1993). Ronald Coase and Methodology // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. No. 4. Pp. 195–210.
- Raskov D.E. (2010). Obraz ekonomiki v institucionalizme [Image of economics in institutionalism] // *Vestnik of the St. Petersburg University. Series 5. Economics*. No. 3. Pp. 32–41. (In Russ.).
- Richter R. (2005). The New Institutional Economics: Its Start, Its Meaning, Its Prospects // *European Business Organization Law Review*. Vol. 6. Is. 2. Pp. 161–200.
- Rindfleisch A. and Heide J.B. (1997). Transaction Cost Analysis: Past, Present, and Future Applications // *Journal of Marketing*. Vol. 61. No. 4. Pp. 30–54.
- Rodrik D. (2015). *Economics Rules: Why Economics Works, When It Fails, and How to Tell the Difference*. Oxford: Oxford University Press.
- Rutherford M. (1989). What is wrong with the new institutional economics (and what is still wrong with the old)? // *Review of Political Economy*. Vol. 1. Is. 3. Pp. 299–318.
- Shapkin V.V. (2011). Metodologicheskie osnovaniya institutsionalizma [Methodological foundations of institutionalism] // *Problems of modern economics*. Is. 2. Pp. 58–62. (In Russ.).
- Shastitko A. (2003). Predmetno-metodologicheskie osobennosti novej institucional'noj ekonomicheskoy teorii [The New Institutional Economics Particularities in Subject Matter and Methodology] // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 24–41. (In Russ.).
- Shastitko A.Y. (2013). Metodologicheskij status novej institucional'noj ekonomicheskoy teorii [The New Institutional Economics Methodological Status] // *Russian Journal of Economic Theory*. No. 4. Pp. 36–47. (In Russ.).
- Shastitko A. (2016). O metodologii institucional'nyh issledovanij (K 80–letiyu stat'i Ronal'da Kouza «Priroda firmy») [On the methodology of institutional studies (To the 80th anniversary of Ronald Coase's «Nature of the Firm») // *Voprosy ekonomiki*. No. 8. Pp. 96–119. (In Russ.).
- Shirley M., Wang N., Ménard C. (2015). Ronald Coase's impact on economics // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 11. Is. 2. Pp. 227–244.
- Simon H.A. (1955). A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 69. No. 1. Pp. 99–118.

- Simon H.A. (1959). Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science // *American Economic Review*. Vol. 49. No. 3. Pp. 253–283.
- Skarbek D. (2020). Qualitative research methods for institutional analysis // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 16. Is. 4. Pp. 409–422.
- Solow R. (2001). A Native Informant Speaks // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 8. No. 1. Pp. 111–112.
- Spiegler P., Milberg W. (2009). The taming of institutions in economics: The rise and methodology of the ‘new new institutionalism’ // *Journal of Institutional Economics*. Vol. 5. Is. 3. Pp. 289–313.
- Spithoven A. (2019). Similarities and Dissimilarities between Original Institutional Economics and New Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 53. Is. 2. Pp. 440–447.
- Tambovtsev V.L. (2007). Predmetnoe pole novoj institucional’noj ekonomicheskoj teorii [The subject field of the new institutional economic theory] // *Terra Economicus*. Vol. 5. No. 3. Pp. 9–17. (In Russ.).
- Tambovtsev V.L. (2013). Metodologicheskij analiz i razvitie ekonomicheskoj nauki [Methodological analysis and development of economics] // *Obschestvennye nauki i sovremennost’*. No. 4. Pp. 42–53. (In Russ.).
- Tambovtsev V.L. (2020a). Neproduktivnost’ popytok metodologicheskogo sinteza [Unproductivity of the Methodological Fusion’s Attempts] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 7–31. (In Russ.).
- Tambovtsev V.L. (2020b). Metodologiya e`mpiricheskogo analiza neformal`ny`kh institutov [Methodology for empirical analysis of informal institutions] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 12. No. 3. Pp. 6–23. (In Russ.).
- Tambovtsev V.L. (2021). Vozmozhna li edinaya institucional`naya e`konomicheskaya teoriya? [Is unified institutional economics possible?] // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 33–51. (In Russ.).
- The Philosophy of Economics: An Anthology* (2008). 3rd Edition / D.M. Hausman (Ed.). — Cambridge: Cambridge University Press.
- Vandenberg P. (2002). North’s Institutionalism and the Prospect of Combining Theoretical Approaches // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 26. Is. 2. Pp. 217–235.
- Vromen J. (2021) What are we up to? // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 28. Is. 1. Pp. 23–31.
- Williamson Ó. (2009). Pragmatic methodology: A sketch, with applications to transaction cost economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 16. Is. 2. Pp. 145–157.
- Zerbe R.O., Medema S.G. (1998). Ronald Coase, the British Tradition, and the Future of Economic Method. // *Coasean Economics Law and Economics and the New Institutional Economics* / Medema S.G. (Ed.). — Dordrecht: Springer. Pp. 209–238.
- Zhao J., Al-Aidroos N. and Turk-Browne N.B. (2013). Attention Is Spontaneously Biased Toward Regularities // *Psychological Science*. Vol. 24. No. 5. Pp. 667–677.
- Żylicz T. 2009. What economists are to learn from the economic crisis? // *Studia ekonomiczne* (Economic studies). No. 3–4 (LXII–LXIII). Pp. 157–162.